

Н. А. Клепинин

СВЯТОЙ
И БЛАГОВЕРНЫЙ
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
**АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ**

Санкт-Петербург
2024

ББК 63.3(2)43

УДК 94(47).032 Александр Невский, 1252–1263 гг.

К48

Клепинин Н. А.

К48 Святой и благоверный великий князь Александр Невский. – СПб.: Евразия, 2024. – 224 с.

ISBN 978-5-8071-0635-3

Монография Н. А. Клепинина (1899–1941), писателя-публициста, некоторое время примыкавшего к евразийскому направлению русской эмигрантской историографии, «Святой и благоверный великий князь Александр Невский», впервые вышедшая в свет в Париже в 1927 году, синтезирует достижения русской дореволюционной историографии с концептуальными установками историков-евразийцев. Благодаря этому, в книге создан колоритный образ Александра Невского как воителя и дипломата, в трудные для Руси годы XIII столетия противостоявшего крестоносной экспансии с Запада и пытавшегося найти компромисс в отношениях с правителями монгольской империи на Востоке.

© Боровков Д. А., вступительная статья, 2024

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2024

© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2024

ISBN 978-5-8071-0635-3

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Боровков Д. А.</i> Предисловие	5
Введение	9
Глава I	29
Глава II	39
Глава III	48
Глава IV	55
Глава V	66
Глава VI	71
Глава VII	82
Глава VIII	92
Глава IX	101
Глава X	106
Глава XI	114
Глава XII	120
Глава XIII	125
Глава XIV	133
Глава XV	140
Глава XVI	144
Глава XVII	148
Глава XVIII	156
Глава XIX	163
Глава XX	169
Глава XXI	179
Глава XXII	186
Глава XXIII	191
Прославление св. Александра Невского	197
Примечания	206

Предисловие

Автор этой книги Николай Андреевич Клепинин (1899–1941) участвовал в Гражданской войне 1917–1922 годов в качестве офицера Добровольческой армии. В 1920 году эмигрировал в Сербию и являлся одним из деятельных участников русской эмиграции. В 1926 году переехал в Париж, где в 1926–1927 годах в издательстве YMCA-PRESS были опубликованы основные его произведения, в том числе монография «Святой и благоверный великий князь Александр Невский», вызвавшая благожелательные оценки в эмигрантской печати В. Н. Ильина (журнал «Путь», 1928, № 8) и Г. П. Федотова (журнал «Современные записки», 1928, № XXXVI), в последней из которых было отмечено влияние в этой книге идей евразийства. Действительно, книга Клепинина, особенно в той части, где он рассказывает о формировании монгольской империи, не обошлась без влияния идей, разрабатывавшихся в эмигрантской историографии историком Г. В. Вернадским. Так что Г. П. Федотов в своей рецензии даже

- 6 заметил: «За фигурой Александра на первом плане встает сумрачный образ Чингисхана, легендами которого автор считает нужным прорезать русско-житийную тему Александра Невского».

С течением времени Н. А. Клепинин разошелся с эмигрантскими кругами, начал сотрудничество с советской властью и в 1937 году вместе со своим другом — редактором газеты «Евразия» С. Я. Эфроном — приехал в СССР под фамилией Львов. Через два года Клепинин был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, а в 1941 году расстрелян вместе со своей супругой А. Н. Клепониной — старшей сестрой известного советского историка А. Н. Насонова, одного из основоположников марксистской интерпретации русско-ордынских отношений, сформулированной в книге «Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)» (1940).

Монография Н. А. Клепинина об Александре Невском, написанная прекрасным литературным языком на основе не только летописей, традиционно являющихся основным письменным источником для изучения истории Древней Руси, но и широкого круга историографической литературы XIX — начала XX века, подводит своеобразный итог формированию исторических представлений о князе, сложившихся в дореволюционной исто-

риографии. При этом она практически лишена клерикально-поэтического пафоса, которым страдает, например, труд его предшественника, протоиерея М. И. Хитрова «Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский», написанный в конце XIX века. Однако нельзя не заметить вслед за Г. П. Федотовым, что, излагая биографию князя, Н. А. Клепинин во многом некритично следует агиографической канве, которая сложилась как в «Повести о житии Александра Невского», написанной предположительно в начале последней четверти XIII века по инициативе сына князя — Дмитрия — и митрополита Кирилла II, так и в более поздних памятниках агиографии. В то же время монография Н. А. Клепинина далека и от тенденциозной оценки Александра Невского, которая характерна как для советской историографии, рассматривающей военно-политическую деятельность князя с точки зрения феодальной парадигмы социально-политического развития Руси, так и для постсоветской историографии, которая часто рассматривает ее в контексте геополитической альтернативы «Восток–Запад». Таким образом, новое издание этой книги, неоднократно переиздававшейся сначала в эмиграции, а затем и в нашей стране, представляется целесообразным в силу достаточно объективного стиля изложения, несмотря на то, что историография последних

8 лет пополнилась новыми исследованиями, посвященными не только жизни и деятельности Александра Невского, но и ее трактовке как феномена русской культуры.

Текст печатается по изданию 1993 года.

*Кандидат исторических наук
Д. А. Боровков*

Введение

Княжение св. Александра Невского совпало с одним из самых значительных периодов русской истории. При нем произошло окончательное разрушение Киевской Руси, бывшей до тех пор намечавшимся государственным центром России. При нем окончательно обособилась Суздальская Русь. При нем Россия сделалась улусом татарского царства. И в нем самом уже начало, первое предвозвестие возвышающейся великодержавной Московской Руси – той России, которая, восприяв духовное наследие Киева, медленным и тяжким трудом взрастила его под татарским игом и, объединенная под гнетом единой внешней силы, вышла из глухого лесного угла к широким историческим горизонтам.

Поскольку этот момент соприкосновения Руси и татарского всемирного царства недооценивался в русской истории, недооценивалась и вся глубина исторической заслуги св. Александра Невского. Момент завоевания Руси татарами был поистине трагическим.

10 Перед лицом татар Россия как единство, как государственная сила перестала существовать. Она была сильна только своим внутренним богатством. Ее внешняя риза была разодрана. Св. Александру Невскому пришлось творить эту ризу внешнего единства под ударами с востока и с запада. Кончили дело объединения Руси лишь его потомки. Но он зложил первый камень; сам стал живым основоположным камнем новой возродившейся из развалин России.

Вся жизнь св. Александра была отдана России. Подходить к нему можно лишь через историю, через рассмотрение его эпохи и стоявших перед ним исторических задач. Поэтому и представляется необходимым описанию его личной жизни предпослать краткий исторический обзор предшествующих ему княжений и постепенного складывания тех сил, среди которых ему пришлось управлять Русью.

Одной из особенностей русской истории является полное перенесение центра государственной жизни с юга на север, закончившееся татарским нашествием как раз во время княжения св. Александра.

Оба события — разрушение Киевщины и усиление Суздаля — подготовлялись длительным историческим процессом. Но этот процесс был скрытым и подземным. Он нарождался медленно, проявился стремительно — в течение одного столетия. Поэтому в нем

есть неожиданность катастрофы, трагическая историческая динамика.

Киевская Русь разрушилась именно тогда, когда она, казалось, укрепилась и достигла благосостояния. От крещения Руси при Владимире прошло два с небольшим века. Южная Русь была уже христианской, православной страной. В ней была Киево-Печерская обитель с ее многочисленными подвижниками. В ней были князья — подлинные христиане. Она создала свою христианскую письменность. Православие уже преломилось и преобразилось в русский дух, оказалось не простым заимствованием из Византии. Русские подвижники — и князь, и монах, и простолюдин — уже были русскими православными подвижниками, выявлявшими в своей святости русские черты. То, что осталось от тех веков — поучения, летописи, жития святых, многочисленные храмы, — ярко свидетельствует о своеобразности Киевщины. Православие вошло в ее мирозерцание и слилось с ним. Киевщина неотделима от православия и непонятна без него. Конечно, было бы глубокой ошибкой идеализировать древнюю Русь. Не только в народных толщах, в медвежьих углах, но и в княжеских теремах язычество еще далеко не было преодолено. Без дикости, разгула и темноты картина Киевской Руси будет неправильна и неполна. Но разве все то время, все средневековье, не являет из себя причудливой смеси

12 света и тьмы, величия в святости и силы в грехе? «И свет во тьме светит и тьма не объяла его». А что этот свет светил как в княжеском тереме, так и в простой избе, свидетельствуют многие жития и сказания. Подвижники Киево-Печерской лавры приходили отовсюду, и среди них были и князья, и смерды.

Все сведения о последнем столетии Киевской Руси говорят и о ее внешней силе. К началу XIII века она достигла богатства и широты быта. Описания иностранцев представляют Киев богатым городом с множеством церквей, монастырей, княжих палат и торжищ. Русские князья созидали библиотеки и устраивали школы. Многие из них владели несколькими иностранными языками. Они входили в сношения с иностранными королями и роднились с ними. Вся жизнь и быт князей и «больших» людей были богатыми и красочными.

Но, несмотря на это благосостояние, в Киевской Руси были внутренние недуги, медленно ее разрушавшие.

За три века бытия в Киевской Руси уже начало слагаться сознание национального единства — «всей русской земли». Но государственная власть не соответствовала этому единству. Князья «несли розно» русскую землю. Они не были связаны с землей и установившимся в ней земским строем. Они переходили со стола на стол. Их конечной целью было великое Киевское княжение. Поэтому в уделах они

были временными пришельцами, не связанными с земским строем. Сам переход со стола на стол вызывал распри. Этот порядок делался труднее с увеличением княжеского рода. Передвижение со стола на стол запутывалось все больше и больше. Меч был единственным средством разрешать эту путаницу. Удалые и умные князья начали захватывать уделы, не считаясь с правом старшинства. Земская Русь также начала вторгаться в дело размещения князей, призывая к себе князей вне очереди и старшинства. Князья вовлекали в свои распри уделы, бросая Киев на Чернигов, Переяславль на Смоленск. Усобицы сопровождались обычным разграблением, поджогами, уводами скота. Южная Русь сама разрушала себя и при наличии сознания единства делилась на враждебные области.

Но была еще причина, медленно подтачивавшая силу Южной Руси. Приднепровская Русь лежала на границе степей, в глубине которых сменялись кочующие орды. При единстве власти Русь, быть может, могла бы отбиться от степей. Но постоянные усобицы делали ее беззащитной. Некоторые из князей в пылу междоусобной борьбы сами стали наводить половцев на русские пределы.

«Тогда сеяшеться и растяшет усобицами; погыбашет жизнь Дажь-Божа внука; в княжих крамолах вещи человеком сократишася. Тогда по Русьской земле редко ратаеве кикахут,

14 но часто врани граяхуть, трупие себе деляше... Усобица князем на поганья погибе, рекоста бо брат брату: се мое, а то мое-же; и начаше князи про малое се великое молвити, а сами на себе крамолу ковати, а погании со всех стран прихождаху с победами на землю Русьскую... Възстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми; печаль жирьна утече среди земли Русьская, а князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами победами нарищуще на Русьскую землю, емляху дань по беле от двора... Уже бо Суда не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным Полчанам под кликом поганых».

В этом плаче «Слова о полку Игореве» есть глубокая скорбь о всей русской земле и сознание ее единства. Но этого сознания не было у князей, за исключением лишь немногих. Не князья, а земская Русь блюла единство России, как и неизвестный автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к князьям с мольбой о мире: «Молимся, княже, тебе и братома твоима, не мозите межи собою погубити земли русские, юже бяще стяжали отцы ваши и деды трудом великим и храбростию»¹. Иногда голос земщины доходил до князей, и они, собравшись на съезде, разделяли уделы и сговаривались совместно защищать Русскую землю, каждому в своей вотчине. За такими съездами следовали совместные походы на степь, и набеги временно прекращались. Но князья разъезжались

в свои уделы, и новая усобица, поднятая каким-нибудь князем, недовольным разделом, снова разбивала княжества на враждующие стороны.

Набеги половцев были истинным бедствием Киевщины. Эти набеги совершались совершенно неожиданно и внезапно. Владимир Мономах говорил на Долобском съезде: «Начнут (весною) люди орати и пришедше половцы, самех избиют, а лошади их возьмут, а в село ехавши и жены и дети их поемлют и все, что имеют, а села пожгут».

Слова Владимира Мономаха указывали другим князьям на самое роковое последствие половецких набегов. Эти набеги обрушивались на сельское население. Торговое городское население отсиживалось за стенами городов. Крестьянство же не имело защиты. Половцы внезапно появлялись из степей и так же внезапно скрывались со своим «пленом» в степи, теряясь в далеких и широких просторах трав, ковыля и яругов, шедших от пределов Руси к берегам Азовского моря. Крестьянство вообще было угнетено рабством. Набеги кочевников переполняли чашу терпения. Население поднималось с мест и бежало с черноземья в места более бесплодные, но зато и более спокойные. Эти трагедии отчаявшихся смердов остались скрытыми и неизвестными. Но причины, побуждавшие их к уходу, были те же, которые побудили Андрея Боголюбского уйти

16 с юга на север: «скобря о нестроении братии своя, братаничев и сродников, яко всегда в мятежи и волнении вси бяху и много крови лияшеся и несть никому ни с кем мира и от сего вси княжения опустеша... и от поля половци выплениша и пусто сотвориша»...

Бедность и угнетенность сельского населения были одним из главных недугов Киевщины. Быстро воздвигнутое и богато украшенное здание Киевской Руси стояло на слабом фундаменте. Подземные воды усобиц и потоки половецких нашествий еще больше размывали этот фундамент. Здание стало быстро распадаться и неожиданно быстро рухнуло.

Одной из первых зловещих трещин были запустение и потеря торговых путей. Сами князья заметили появившуюся трещину. Так, в 1170 году великий князь Мстислав Изяславович заметил, что половцы «и Греческий путь изыотимают и Соляной и Залозный», т. е. торговые пути в Византию, Тавриду и Хозарию. Съезд князей решил «поискати отец и дед своих пути и своей чести». Князья разбили половцев на Угле, но пути не были возвращены этой временной победой.

К концу XII века Киевская Русь заметно запустела. Целые города и области были оставлены жителями. Торговля пришла в упадок.

Татарское нашествие 1240 года окончательно сломило Киевщину. На несколько веков она вообще как бы вышла из русской истории.